

В предутренних сумерках больничные коридоры тонули в гнетущей тишине. Су Цзинь замер у дверей ординаторской, вслушиваясь в сухой голос врача: «Ваш брат больше не сможет говорить». Эти слова ударили наотмашь. Он замер от шока, а в следующую секунду он увидел, как мать, подкошенная горем, оседает на пол.

Глядя на маленького, хрупкого Су Мо, Су Цзинь в один миг осознал то, чего не понимал годами. Этот мальчишка перестал быть для него помехой или соперником в борьбе за родительское внимание — он был его братом, родной кровью.

Сердце кольнуло запоздалое раскаяние. Почему он раньше не откликнулся, когда малыш звал его? Услышит ли он когда-нибудь снова этот тонкий детский голосок, зовущий «братик»? Су Цзинь, не сдерживая слез, бросился к матери.

Минуло полмесяца. За это время Су Моли оббила пороги десятков клиник, но везде слышала одно и то же: голосовые связки в идеальном состоянии, патологий нет. Врачи лишь разводили руками, не в силах объяснить, почему ребенок онемел.

Су Мо знал правду. Виной всему была та злосчастная конфета. Он ненавидел себя за жадность, за ложь, за глупость. Неужели это расплата? Судьба, лишившая его голоса в наказание за обман?

Бесконечные обследования вымели из дома все сбережения. Обеды становились всё скромнее, пока не превратились в пустую кашу.

— Сегодня бабушка передала нам немного яиц, — Су Моли с вымученной улыбкой поставила на стол два вареных яйца. — Ешь, Сяо Мо, я почищу тебе. Цзинь-цзы, второе — твоё.

Горе меняет людей быстрее времени. Су Цзинь посмотрел на брата, затем на яйцо и сглотнул вязкую слюну.

— Мам, я не хочу... Не люблю яйца. Отдай... отдай мелкому.

— Хороший ты мой, — голос матери дрогнул. За эти две недели она будто постарела на десять лет. Глядя на повзросшего старшего сына, она едва сдерживала слёзы. Хоть один из них стал опорой.

— Уже восемь, — заметил Су Цзинь. — Почему папа ещё не пришёл?

— На заводе дел много, — коротко ответила она.

Расходов становилось всё больше, и Су Вэньгэ уже вторую неделю пропадал на сверхурочных, возвращаясь затемно. Су Мо видел это. Он чувствовал себя обузой, паразитом, высасывающим жизнь из своей семьи.

***

Летним утром в пять часов уже вовсю светало. Маленький городок накрыл густой туман, превратив улицы в белёсое море, где лишь под ногами ощущалась сырая от росы земля. Едва отец ушел на смену, Су Мо выбрался из дома.

Он быстро шел по дороге. Миновав кварталы, он вышел за городскую черту, туда, где тянулись бесконечные железнодорожные пути. Шаг за шагом он шел по шпалам, погруженный в свои мысли.

Внезапно сзади донеслось глухое, вибрирующее «туу-туу».

Су Мо обернулся. Из тумана, подобно призрачному чудовищу, выплывал локомотив. В это мгновение мальчику захотелось просто замереть. Не двигаться. Позволить этой машине унести его прочь из мира, где он больше не имел голоса. Какой смысл жить калеке?

Поезд приближался, рев двигателя становился оглушительным. Су Мо зажмурился. Но в ту же секунду чьи-то сильные руки рванули его в сторону. Они вместе покатались по насыпи, считая ребрами камни, а мимо с оглушительным свистом пронеслись вагоны.

— Ты что, совсем придурок?! — заорал спаситель.

Су Мо поднял голову. Перед ним стоял мальчишка — ровесник брата, судя по виду. Дорогая одежда выдавала в нем ребенка из обеспеченной семьи.

— Чего вылупился? — парень недовольно отряхнул штаны от пыли. — Совсем баран, что ли?

Не дождавшись ответа, незнакомец развернулся и зашагал прочь. Пройдя несколько шагов, он оглянулся: Су Мо, пошатываясь, снова побрел вдоль путей.

Тот рывок из лап смерти будто прочистил мальчику разум. Жизнь дается один раз, и если он исчезнет, папа, мама и брат сгорят от горя.

Вскоре Су Мо заметил, что незнакомец идет рядом.

— Эй, ты чего тут бродишь в такую рань? — спросил парень. — Язык проглотил? Перепугался?

— Или ты нарочно под поезд лез? Тогда ты точно идиот.

— Хотя, знаешь, у меня тоже на душе паршиво, вот и шляюсь, — парень пнул камешек. — Предки на юг ташат, говорят — «в море подадимся», бизнесом займемся. А я не хочу. Тут всё

моё детство, здесь мой дом.

Су Мо молча слушал каждое слово. Внезапно мальчишка хлопнул его по плечу:

— Слушай, а ты чего такой нежный? Кожа как у девчонки. Сколько тебе?

Су Мо посмотрел на его плутоватую, наглую улыбку и лишь покачал головой. Собеседник нахмурился:

— Я тут распинаюсь, а ты ни гу-гу. Ты что... немой?

Су Мо кивнул, внутренне сжавшись в ожидании насмешки или жалости. Но парень вдруг улыбнулся — так открыто и тепло, будто солнце пробилось сквозь утреннюю хмарь. От этой улыбки на душе у Су Мо стало легче, и он впервые за долгое время несмело ответил тем же.

— А улыбка у тебя ничего, красивая, — парень вдруг бесцеремонно задрал штанину шорт до самого бедра. — Глянь, родинка у меня какая. Видал?

Су Мо посмотрел: на бедре у того пламенело алое пятнышко, яркое, как капля крови. Он кивнул — и вправду, необычно.

— Красиво-то красиво, да дед перед смертью сказал, что это метка «кровавого бедствия». Мол, жизнь моя будет на волоске висеть. Предки в панике, а мне плевать. Живи, пока живется, а помирать придет срок — так и будет. Чего зря голову забивать?

Су Мо понравилась эта грубоватая простота. Она была понятнее и честнее всех маминых длинных поучений.

— Ладно, я домой. Ты со мной? — спросил мальчишка.

Су Мо кивнул. Тот заметил ссадину на белом колене нового знакомого и выудил из кармана платок:

— На, вытри.

Су Мо взял платок, но едва коснулся раны, как судорожно выдохнул от боли. Разница в два года делала незнакомца на голову выше.

— Ну и беляк ты, — хмыкнул тот, разглядывая кожу Су Мо под широкой майкой. — Мы с тобой будто из разных наборов.

Мальчик крутил в руках платок, не зная, как поступить: вернуть грязным — неловко, оставить — невежливо, а сказать он ничего не мог.

— Оставь себе, дома выбросишь, — парень по-свойски закинул руку ему на плечо. — Пошли быстрее, я жрать хочу как волк.

Су Мо украдкой взглянул на него. Поразительно, но этот наглец, казалось, понимал его без слов.

Когда они вошли в жилые кварталы, парень остановился:

— Ну, мне сюда. Не знаю, как тебя звать и что у тебя стряслось... я мелкий еще, не особо соображаю. Но дед говорил: жизнь — это самое ценное. Нынешняя беда — это так, чепуха. Подрастешь — будешь вспоминать как приключение. Старик мой жизнь насквозь видел.

Он снова нагло ухмыльнулся:

— Сказал еще, если «своего» человека не встречу, то до тридцати не дотяну. Ну, мне по-прежнему фиолетово. Главное — дело делать, а там будь что будет. Бывай, еще свидимся!

Оставив после себя шлейф бесшабашности, парень скрылся в переулке. Су Мо долго смотрел ему вслед. Этот малый казался совершенно несерьезным, но рассуждал куда взрослее многих.

Солнце окончательно разогнало туман. Не успел Су Мо пройти и сотни метров, как услышал отчаянные крики матери и брата.

Увидев радость на исхудавшем лице Су Моли, он почувствовал, как сжимается сердце. А брат... Су Цзинь улыбался так, как никогда раньше, и во всё горло орал: «Братишка!»

Су Мо не выдержал. Он бросился в объятия матери и беззвучно разрыдался.

— Малыш, ну куда же ты пропал, я чуть с ума не сошла! — причитала она.

— Сяо Мо, прости меня, я раньше был... — Су Цзинь не договорил. Маленькая ладошка брата легла ему на губы, обрывая покаяние. Су Мо улыбнулся.

Су Моли лишь диву давалась: как это младший, погуляв в одиночестве, вернулся таким просветлевшим?

Через три дня Су Цзинь вернулся из школы мрачнее тучи.

— Мам, Хань Дун с семьей на юг уехали, — буркнул он.

— Так ты же с ним вечно дрался? Чего теперь кислый такой? — удивилась мать.

— Мы... не сошлись характерами, — пробормотал Су Цзинь.

Су Мо в углу весело забил в ладоши. Мать рассмеялась:

— Понимаешь, о чем брат радуется?

— О чем?

— О том, что ты такие умные слова выучил. Поздравляет тебя.

Су Цзинь покосился на младшего:

— Сдается мне, он надо мной издевается.

С этими словами он навалился на Су Мо и принялся его щекотать. Мальчик заливался беззвучным смехом, отбиваясь маленькими ручками.

Су Моли смотрела на сыновей, и на душе у неё впервые за долгое время было спокойно.

***

Время летело, сменяя один сезон другим. Девяностые принесли в Китай перемены: в домах появились цветные телевизоры, те, кто побогаче, пересели на иномарки. Су Моли, попав под сокращение на заводе, открыла небольшой магазинчик. Вместе с зарплатой отца этого хватало на вполне достойную жизнь.

Су Мо, отрезанный от обычного образования из-за немоты, закончил лишь начальную школу. Но природа наделила его острым умом: каждый вечер он занимался по учебникам брата.

Наступил 1999 год. Су Мо исполнилось восемнадцать. Маленький мальчик превратился в поразительно красивого юношу: алебастровая кожа, тонкие черты лица, ясные глаза под густыми ресницами. Однако в его взгляде читалась холодная отстраненность — он стал человеком, в котором чувствовалась глубина пережитых драм. Соседи привыкли к его немногословности и вежливой, но всегда дистантной улыбке.

Магазинчик семьи Су процветал во многом благодаря Су Мо. Он содержал прилавки в идеальной чистоте, ведя дела с педантичностью, будто это было делом всей его жизни.

— Сяо Мо, я в школу! — Су Цзинь, не имевший ни малейшей тяги к наукам, умудрился отстать от сверстников на два года. В свои двадцать он всё еще мучил программу выпускного класса.

Су Мо отложил тряпку и вышел из-за прилавка.

«Подожди», — быстро показал он жестами.

— Опять ты за своё, — вздохнул Су Цзинь.

«Кто-то же должен следить, чтобы ты снова не вляпался в историю».

После того как Су Мо потерял голос, у него проснулась странная сверхспособность. Стоило ему коснуться чьей-то руки, и если в ближайшие пять часов с этим человеком должно было случиться что-то плохое, Су Мо видел это внутренним взором. Хорошие предзнаменования требовали усилий, но беду он чувал мгновенно. Семья считала это причудой или «шестым чувством», но сам Су Мо знал — это пугающе реально.

Он взял брата за руку.

— Ну что там? — усмехнулся Су Цзинь. — Что твое шестое чувство вещает на этот раз?

Су Мо едва заметно и красиво улыбнулся.

«Сегодня тебя побьют. Причем очень сильно».

— Пф! Меня? Да я в школе в авторитете! Ладно, вечером загляну за тобой, пойдем говяжьки лепешки есть, — Су Цзинь махнул рукой и скрылся за дверью.

«Только о еде и думает», — промелькнуло в мыслях у Су Мо.

— Сяо Мо, я здесь, — в магазин вошла Су Моли. — Брат ушел?

Су Мо кивнул и, заметив в её руках кастрюльку с гадатаном, просиял.

«Опять мой любимый суп с клецками».

— А то как же! Свежей капустки добавила, аромат на весь дом. Брату не оставим, — мать души не чаяла в младшем, из-за чего Су Цзинь часто ворчал, что его, верно, подобрали на помойке.

Су Мо зачерпнул ложкой ароматный бульон.

«Мам, вечером не готовь. Пойдем на лепешки».

— Хорошо. Тогда я на склад за товаром.

«Я сам съезжу. Заодно посмотрю, нет ли новинок».

— Тогда на велосипеде аккуратнее. Одевайся теплее, осень на носу, ветра злые.

Закончив с делами, Су Мо покатил нагруженную трехколесную тележку в сторону оптового склада. Проезжая мимо одного из проулков, он услышал знакомый голос — брат явно нарывался на неприятности.

— Думаешь, раз новенький, так я тебя испугаюсь?!

Су Мо затормозил у входа в переулок. Су Цзинь стоял спиной к нему, а напротив него возвышался парень — высокий, под метр восемьдесят, крепкого сложения.

Расстояние было небольшим, и Су Мо отчетливо разглядел лицо незнакомца. Красив, чертовски красив. А его наглая ухмылка не оставляла сомнений: этот парень драться умеет. Его брату несдобровать.

Не успел Су Мо и глазом моргнуть, как незнакомец точным ударом повалил Су Цзиня на землю. Утреннее видение сбывалось с пугающей точностью: брата отделявали по полной программе.

Су Мо не любил вмешиваться в такие разборки, но смотреть, как бьют родную кровь, не мог.

Су Цзинь попытался огрызнуться, но его тут же снова опрокинули. Незнакомец придавил его коленом к земле, жестко перехватив ворот школьной куртки.

Су Мо нажал на рычаг велосипедного звонка. Резкое «дзынь-дзынь» заставило дерущихся замереть. Нападавший вскинул голову и увидел у входа в подворотню стройного юношу. Лицо того было беспристрастным, как маска, а его холодный взгляд заставлял поежиться. Казалось, от этого парня веет ледяным спокойствием.

Су Цзинь, узнав брата, тут же зажмурился от невыносимого стыда. Опозорился перед мелким...

— Эй, ну... — простонал он, — имей совесть, дай хоть лицо сохранить.

Незнакомец разжал кулаки, поднялся и, засунув руки в карманы, с интересом уставился на нежданного свидетеля. Но Су Мо, не проронив ни звука, просто нажал на педали и укатил

прочь.

— Твою мать! — выдохнул Хань Дун, глядя ему вслед. — Это еще кто такой был?

<http://bllate.org/book/17506/1648462>